

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов IX (XXIII)
Международной научно-практической
конференции молодых учёных
(14–16 апреля 2022 г.)

Выпуск 23

Томск
Издательство Томского государственного университета
2022

doi: 10.17223/978-5-907572-04-1-2022-106

**ФРАНЦУЗСКИЕ ВКРАПЛЕНИЯ КАК СРЕДСТВО
СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ГЕРОЯ: «КНЯЖНА МЕРИ»
И «КНЯЖНА АНАСТАСИЯ»
(РОМАНЫ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»
И «SKETCHES OF RUSSIAN LIFE IN THE CAUCASUS»)**

Сердюк А.М.

Томский государственный университет, аспирант

**FRENCH INSERTIONS IN CREATING THE CHARACTER:
«PRINCESS MARY» AND «PRINCESS ANASTASIA»
(NOVELS «A HERO OF OUR TIME» AND «SKETCHES
OF RUSSIAN LIFE IN THE CAUCASUS»)**

Serdyuk A.M.

Tomsk State University, postgraduate student

В статье рассматривается роль французских вкраплений в создании образов Печорина («Герой нашего времени») и Задонского («Sketches of Russian Life in the Caucasus»). В речи первого они более редки, обусловлены необходимостью и подчёркивают невключённость Печорина в общество. Задонской же пользуется французским охотнее, что акцентирует его принадлежность к обществу, определённую заурядность.

Ключевые слова: русская литература, французские вкрапления, Печорин, «Герой нашего времени», «Sketches of Russian Life in the Caucasus»

The article considers how French insertions add to creating the images of Pechorin («A Hero of Our Time») and Zadonskoi («Sketches of Russian Life in the Caucasus»). In the speech of the former they are used rarely and due to necessity, emphasizing his exclusion from society, while the latter uses French more readily, depicting himself as part of society as well as an ordinary person.

Key words: Russian literature, French insertions, Pechorin, «A Hero of Our Time», «Sketches of Russian Life in the Caucasus»

Научный руководитель: Е.О. Третьяков, канд. филол. наук, доцент ТГУ.

Роман «Sketches of Russian Life in the Caucasus» был опубликован в Лондоне в 1853 г. за авторством анонимного «русского, много лет прожившего среди различных горных племён» («a Russe, many years resident amongst the various mountain tribes»). Роман вышел в серии для семейного чтения «The Illustrated Family Novelist» и представлял собой собрание занимательных и

поучительных историй в декорациях особенно экзотической части России. Спустя короткое время после публикации, однако, роман был разоблачён как плагиат «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова.

И действительно, в «Sketches...» в общих чертах сохранена композиция сюжета и сам сюжет русского романа, персонажный состав остаётся прежним (однако все герои при этом переименованы), значительная часть текста переведена дословно. Тем не менее можно говорить о том, что ключевые его элементы подверглись существенным изменениям. В частности, главный герой «Sketches...», Задонской, во многом – и в главном – оказывается отличен от Печорина. В его образе нет ничего сверхчеловеческого, он не демон и даже не мелкий бес. Как отмечает Чин Вен, автор диссертации о рецепции Лермонтова в викторианской Британии, Задонской создан более «нормальным», его образ менее таинственен, его реакции «не слишком отличаются от реакций обычного человека» [1. P. 7]. Как и Печорин, он склонен к рефлексии, однако в ходе неё раскрывается лишь как «простой раб любовных страстей и необузданной свободы» [1. P. 8]. Задонской в целом гораздо многословнее Печорина. Несмотря на постоянно заявляемую неспособность разделять чувства других и выражать собственные, он без труда справляется с этой задачей. Ему свойственно и искреннее сочувствие, и глубокое раскаяние, и даже «мелодраматическое отчаяние» [1. P. 8]. Он явно следит за собственным слогом, использует риторические приёмы, даже прямо обращается к читателю. В результате, он менее глубок, но и менее безнадёжен, что, как представляется, прежде всего обусловлено жанром «Sketches...». Задонской – герой «семейного романа»: он должен быть простым для восприятия и в чём-то похожим на читателя – в частности для того, чтобы в полной мере реализовать дидактический потенциал романа.

Такое «упрощение» реализуется посредством различных переводческих трансформаций и стилистических средств, причём главными инструментами анонимного «русского» становятся опущения и прежде всего добавления. Так, в «Sketches...» гораздо

чаще встречаются французские вкрапления в речи персонажей. Рассмотрим их роль в создании образов Печорина и Задонского в рамках повестей «Княжна Мери» и «Княжна Анастасия» («Princess Anastasia»). Помимо объёма, повести отличает глубина и детальность рефлексии героя, а также многообразие его окружения. Кроме того, в «Sketches...» «Княжна Анастасия» представляет собой первую из двух записок Задонского (аналога журнала Печорина), и именно здесь читатель впервые знакомится с главным героем романа из его собственных наблюдений.

В первую очередь внимания заслуживают французские вкрапления в речи Печорина. Необходимо отметить, что они весьма редки: за всю повесть от своего имени герой говорит – или пишет – по-французски лишь семь раз, и только дважды это целое предложение. Французские вкрапления в речи Печорина можно разделить на три категории: обусловленные необходимостью или узусом (т.е. безэквивалентная лексика, реалии, заимствования: платье *gris de perles*, ботинки *couleur puce*, *fièvre lente*, *vis-à-vis*, *en piquenique*); обусловленные социально; употреблённые иронично. Печорин осознанно обращается к французскому языку только тогда, когда это представляется необходимым. Так, будучи принятым за черкеса, посредством французского он маркирует себя как часть одного с Мери общества: «Чтоб ее совершенно разуверить, я отвечал по-французски, слегка наклонясь:

– Ne craignez rien, madame, – je ne suis pas plus dangereux que votre cavalier»¹ [2. С. 68].

Вторая же – и последняя – полностью французская его реплика повторяет реплику Грушницкого, передразнивает её: «Грушницкий успел принять драматическую позу с помощью костыля и громко отвечал мне по-французски:

– Mon cher, je haïs les hommes pour ne pas les mépriser, car autrement la vie serait une farce trop dégoûtante»². <...>

¹ Не бойтесь, сударыня, – я не более опасен, чем ваш кавалер. (франц.) Здесь и далее перевод приводится по цитируемому изданию ([2]).

² Милый мой, я ненавижу людей, чтобы их не презирать, потому что иначе жизнь была бы слишком отвратительным фарсом. (франц.)

– Mon cher, – отвечал я ему, *стараясь подделаться под его тон*: – je méprise les femmes pour ne pas les aimer, car autrement la vie serait un mélodrame trop ridicule!¹ [2. С. 55–56].

Аналогичным образом функционирует единственная французская фраза, произносимая Печориным в тексте записок, в разговоре с самим собой: «Другой бы на моем месте предложил княжне: son coeur et sa fortune!..² но надо мною слово жениться имеет какую-то волшебную власть...» [2. С. 90].

Помимо Печорина по-французски в романе говорят Мери («полуоткрытые губки едва могли прошептать необходимое: “merci, monsieur”» [2. С. 70]) и Грушницкий («поминутно говорил вполголоса: “charmant! délicieux!”»³ [2. С. 73]), а также представители «водяного общества» на балу («посмотрела на меня в лорнет... C'est impayable!...»⁴ [2. С. 70], «имею честь вас ангажировать pour mazure...»⁵ [2. С. 71]). Ни Вернер, ни Вера – наиболее близкие Печорину персонажи – этого не делают. Таким образом, французский язык становится знаком включённости в общество. Печорин же, не являясь подлинной его частью, французским языком «добровольно» не пользуется, несмотря на очевидно свободное владение им.

Совсем иная ситуация складывается в «Sketches...». Задонской, как и Печорин, обращается к французскому языку в случаях необходимости, однако в отличие от Печорина этими случаями он не ограничивается: отдельные слова без всякой необходимости то и дело проскакивают в его речи, причём как в диалогах, так и – пожалуй, даже в большей степени – в самом тексте записок. Французский язык для него – абсолютно органическая составляющая речи, стилистически и «экзистенциально» никак не маркированная (прим. «*N'importe*, I will now go forth and visit the

¹ Милый мой, я презираю женщин, чтобы не любить их, потому что иначе жизнь была бы слишком смехотворной мелодрамой. (франц.)

² Руку и сердце... (франц.)

³ Очаровательно! Прелестно! (франц.)

⁴ Это несносно!.. (франц.)

⁵ На мазурку. (франц.)

Elisabeth Spring; they tell me that it is the one most frequented by the *haut volée*, and that they congregate thither every morning to taste its chalybeate panacea» [3. P. 142]. Ср. ориг. «Однако пора. Пойду к Елизаветинскому источнику: там, говорят, утром собирается всё водяное общество» [2. С. 52]). Более того, даже книгу перед дуэлью он читает по-французски: это всё ещё Вальтер Скотт, но уже во французском переводе [3. P. 252].

Показательно, что первые полностью французские реплики (диалог у колодца с Франтовским) снабжены обширным «авторским» комментарием. Он призывает не удивляться такому двуязычию и не считать его вульгарным: таково нормальное состояние языка в русском обществе, сложившееся исторически и до сих пор отчасти поддерживаемое системой образования (так как собственно русская литература «чрезвычайно ограничена» (*exceedingly circumscribed*)), обращаться приходится к французским и немецким авторам) [3. P. 150]. И действительно, в «Княжне Анастасии» так или иначе все персонажи обращаются к французскому языку. Более «нормальный» Задонской, в отличие от Печорина, несмотря на всю свою «эксцентричность», в общество входит и французский язык использует часто, как и полагается.

Подобным образом трансформируется не только главный герой, но и одно из его «отражений». Так, в отличие от Вернера, ни разу к французскому не обращающегося, доктор Уайлд (*Wild*) почти не отстаёт от Задонского. Это обусловлено тем, что вместе с фамилией у доктора сменилось и амплуа: Уайлд напоминает Мефистофеля не больше, чем Задонской Фауста; напротив, его неоднократно заявленная «эксцентричность» и противоречивость его характера делают из него эдакого «доброего доктора», персонажа скорее комического, что подчёркивает и общее если не снижение, то «заземление» образа главного героя.

Таким образом, французские вкрапления становятся значимым инструментом в создании образа как Печорина, так и Задонского. В то время как в речи первого французские вкрапления более редки и всегда либо вынуждены, либо полностью осознаны и подчёркивают истинную невключённость Печорина в общество,

Задонской пользуется французским охотнее, в частности, в самом повествовании, что подчёркивает его принадлежность к обществу, «заземлённость» в сравнении с оригиналом.

Список источников

1. Chin Wen. From glaring cheat to daring feat: two episodes in the reception of M.Yu. Lermontov in Victorian England // New Zealand Slavonic Journal. 1980. № 2. P. 1–16.

2. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. 227 с.

3. Sketches of Russian Life in the Caucasus. By a Russe, many years resident amongst the various mountain tribes. London : Ingram, Cooke, & Co, 1853. 315 p.

doi: 10.17223/978-5-907572-04-1-2022-107

**ЗВУКОВЫЕ ОБРАЗЫ СТЕПНОГО ПРОСТРАНСТВА
В ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «СТЕПЬ»
И ЕЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ¹**

Черткова В.В.

Томский государственный университет, аспирант

**SOUND IMAGES OF THE STEPPE SPACE
IN A.P. CHEKHOV'S NOVELLA «THE STEPPE»
AND ITS ENGLISH TRANSLATIONS**

Chertkova V.V.

Tomsk State University, postgraduate student

В статье представлен сравнительный анализ звуковых доминант образа степи в оригинале повести А.П. Чехова «Степь» и ее англоязычных переводах, выполненных А. Кэй (1915), К. Гарнет (1919), Р. Хингли (1980), А. Миллером (1989), Р. Уилксом (2001) и Р. Пивером и Л. Волохонской (2004).

Ключевые слова: Чехов, повесть «Степь», звуковые образы, сравнительный анализ, художественный перевод

The article presents a comparative analysis of the sound dominants of the steppe image in A.P. Chekhov's novella «The Steppe» and its English translations made by

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90031.